

Судьбы врачей, борющихся

изместили на уличных

ЯЦЕК ПАЛКЕВИЧ

ПОЛЬСКИЙ ПУТЕШЕСТВЕННИК И ПИСАТЕЛЬ

Последняя исповедь генерала Ярузельского

В биографии последнего лидера социалистической Польши, генерала Войцеха Ярузельского, есть моменты, покрытые мраком. Один из них – решение о введении в стране военного положения – по-прежнему вызывает ожесточенные споры. Это событие, как и ввод советских войск в Афганистан, стало точкой невозврата в судьбе всего соцлагеря.

Меня давно связывали с генералом Ярузельским если не в полном смысле дружеские, то близкие, доверительные отношения. За эту связь меня не раз клеймили люди, называющие себя «истинными патриотами» Польши. Что меня, впрочем, мало задевало.

10 мая 2014 года я поехал в больницу, куда в последнее время генерала многократно госпитализировали. Я застал его изнуренным после сеансов химиотерапии. Это был немощный старец, подключенный к капельнице, зависящий исключительно от сестринского ухода. Блеск исчез из некогда живых и выразительных глаз, небритое, изможденное лицо дополняло картину. В ответ на приветствие он слабым голосом произнес:

– Яцек, я ухожу.

После долгой паузы, глядя мне прямо в глаза, заговорил.

– Сегодня ночью мне снилось, что я умер, оказался в какой-то пустоте. Страх не было, но я был одинок...

Я, скрывая смущение, пытался подбодрить генерала словами, какие я часто повторял на семинарах для путешественников-экстремалов: дескать, нельзя опускать руки, надо надеяться на лучшее до последнего... Но он только улыбнулся, давая понять, что я выбрал не то место и время для такой лекции. И тогда я сказал о том, что лежало в глубине души:

– Пан генерал, я по собственному опыту знаю: в обстоятельствах, которые были сильнее меня, когда я был один и не мог рассчитывать на помощь другого человека, лишь глубокая вера и молитва вселяли надежду. Благодаря этому я не чувствовал себя одиноким на поле битвы со стихией. Это как спасательный круг для потерпевшего кораблекрушение.

Ярузельский молчал. А я продолжал:

– Конечно, для убежденного коммуниста вера не могла быть стержнем жизни. Но раз наступают последние мгновения, не звучит ли из глубин вашей души сигнал к примирению?

Генерал наконец заговорил:

– На самом деле я крещеный. Ношу имя деда Яцека, который еще при царе был сослан в Сибирь, учился в католической гимназии. Но с тех пор всю жизнь был неверующим, далеким от церкви... Мне нелегко даже сейчас, в последние минуты жизни, заставить себя покаяться в грехах.

ФОТО ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА

Генерал Ярузельский в гостях у Яцека Палкевича в Италии.

Я понимал его сомнения. Жест примирения с Богом – это серьезная проблема для коммуниста, которому надо отказаться от своих убеждений, с которыми был связан всю сознательную жизнь. Для многих это означает признание себя побежденным, потерпевшим интеллектуальную катастрофу.

– А вы знаете, что Михаил Горбачев обратился в христианство и молился на коленях? – постарался я поддержать собеседника.

Генерал не скрывал изумления. Его узкие, сведенные от страдания в полосу губы сжались еще больше.

– Шесть лет назад, в канун Вербного воскресенья, бывший генсек партии, насаждавшей атеизм, с дочерью Ириной молился на коленях вместе с сотнями других паломников у гроба святого Франциска в базилике в Ассизи...

Я сыпал именами людей, которые не сразу, но нашли путь к Богу. Атеисты и неверующие, они избавлялись от одиночества и страха перед неизбежным: Эмиль Золя, Фредерик Шопен, медиамагнат Тед Тернер, философ Жан-Поль Сартр, Солженицын и многие другие.

Бывший польский президент задумчиво кивнул. В скромной больничной палате повисла глубокая тишина. Время будто остановилось.

Оказалось, я был последним человеком, который с ним говорил. Через сутки случился инсульт, генерал потерял сознание и уже не пришел в себя. И все-таки он успел! В день похорон Войцеха Ярузельского я прочитал в коммюнике полевой курии Войска польского, что генерал выразил волю примирения с Богом, исповедовался, принял таинство миропомазания больных и Святое причастие.

А вот в миру примирения не состоялось. Прохождение похоронной процессии в сопровождении почетного караула Войска польского сопровождалось свистами и оскорблениями со стороны противников государственных похорон последнего лидера социалистической Польши. ■